

В ту ночь они вдвоём остались ночевать в задней части лечебницы. Поскольку это была одна из самых известных лечебниц в уезде, во внутреннем дворе отдельно были отгорожены несколько небольших комнат для отдыха больных. Одна ночь стоила сто вэнь, но постели были чисто выстираны и высушены, предоставлялись горячая вода и еда, а также дежурные ученики готовили и приносили лекарства.

Разумеется, еда была простой, к тому же больным приходилось соблюдать множество ограничений, так что в основном подавали жидкие каши и лёгкие овощные блюда. К тому же кровати в комнате были лёгкие, узкие, плетёные из бамбука — на такой мог уместиться только один взрослый человек.

Подумав, что у них в распоряжении немало серебра, Юй Шанчжи предложил Вэнь Ецаю пойти и снять комнату в одной из ближайших гостиниц, чтобы отдохнуть как следует.

— Гляди-ка, деньги у тебя, похоже, лишние, — проворчал Вэнь Ецай. — Сейчас у тебя в кармане несколько десятков лян, а потом — тут потратил, там потратил — и глазом моргнуть не успеешь, как ничего не останется.

Сказав это, он вышел из комнаты, а когда вернулся — в руках у него уже было складное кресло. Не говоря ни слова, он раскрыл его, лёг прямо в одежде и устроился на ночь.

Юй Шанчжи прислушивался какое-то время — слышно было лишь мерное поскрипывание, а вскоре всё окончательно стихло.

□.....

На следующее утро, когда ещё не рассвело, Вэнь Ецай покинул город Лянси и отправился в деревню Баньпо. Когда он уходил, Юй Шанчжи всё ещё спал. Вэнь Ецай бросил на него взгляд — и вновь ощутил раздражение. Ведь по-хорошему обманывал именно Юй Шанчжи, а в итоге он, пострадавший, вынужден ни свет ни заря вставать и тащиться куда-то, чтобы проверить правду.

Но даже с такими мыслями это не помешало ему по пути купить два маньтоу и бодро двинуться в путь — шаг у него был быстрый и решительный.

Он знал, что в глубине души отчаянно хочет получить ответ. Хочет, чтобы Юй Шанчжи говорил правду, чтобы он и впрямь не лгал ему, чтобы он действительно оставался тем самым ясным, чистым и утончённым молодым лекарем. А тогда он, как и задумывал раньше, приведёт его домой, откормит до состояния румяного, крепкого красавца, заведут они двоих-троих пухлых детишек и будут жить дружно и весело всей семьёй.

Эрню и Санья с утра до вечера только и твердят «брат Юй, брат Юй» — они уже давно приняли его как родного. Если уж и правда придётся расторгнуть помолвку, боюсь, двое детей какое-то время будут грустить.

В деревнях люди чаще всего живут родами, жизнь у них замкнутая, и новые лица здесь бывают редко. Так что стоило Вэнь Ецаю появиться в деревне Баньпо, как к нему сразу подошло несколько женщин и геров с тазами в руках, направлявшихся к реке стирать бельё, — стали расспрашивать, зачем он пожаловал.

В дороге он уже успел придумать правдоподобную отговорку:

— Добрые сельчане, я пришёл за лечением. Слышал, в вашей деревне живёт некий лекарь Цинь, рука у него будто золотая. Мой муж ещё на прошлой неделе простудился — поначалу думали, пустяк, а теперь вот слёг и никак не может оправиться. Хотел было попросить лекаря Циня прийти посмотреть...

Услышав это, пожилая женщина, стоявшая впереди всех, только рукой махнула и с тяжёлым вздохом ответила:

— Опоздал ты, братец. Лекарь Цинь-то наш в прошлом месяце и умер.

Вэнь Ецай нарочно сделал вид, будто страшно удивлён, нахмурился, затравленно забеспокоился:

— Ай... что же теперь делать? Моего мужа уже смотрели несколько лекарей, никто не помог. Я все надежды на Цинь-ланчжуна возлагал, думал, хоть он сможет спасти...

Вмиг вокруг послышались сочувственные вздохи. Все они были из бедных семей — кому не ведомо, как опасна болезнь у мужа? Это ведь может погубить всё хозяйство. Судя по внешности, этот молоденький гер с трудом вышел замуж, а теперь вот, гляди, муж ещё молод, а уже и с кровати не встаёт...

Спустя мгновение Вэнь Ецай вдруг хлопнул себя по лбу, будто вспомнив что-то важное, и сказал:

— Ах да, вспомнил! Тот, кто рекомендовал мне Цинь-ланчжуна, как-то упоминал, что у него был ученик — с детства у него обучался. Если сам Цинь-ланчжун уже скончался, может, его ученик ещё здесь? Раз уж у учителя был такой дар, ученик вряд ли хуже.

Слова эти он заимствовал у невестки из семьи Чжуан, которая тогда, в присутствии старосты и жителей деревни Селю, заступалась за Юй Шанчжи. Теперь он просто повторил то же самое.

Неожиданно окружающие его крестьяне, услышав это, тут же замотали головами, как погремушки. Один полноватый, откровенный и скорый на язык гер средних лет, не удержался и сказал:

— Братец, не будь простаком! У того Цинь-ланчжуна ученик — что-то с чем-то! Какой он, к

чёрту, лекарь? Да просто бездельник! Говорю тебе, этот приёмыш — белоглазый волк! Цинь-ланчжун растил его, как собственного внука, а этот мальчишка, Юй, весь день шлялся без дела. Слышал, даже в город ездил в кости играть. Не удивлюсь, если старика Циня он в могилу и свёл!

Услышав прозвище «мальчишка Юй», Вэнь Ецай сразу понял — нужного человека нашёл.

А после того как этот откровенный гер дал ход обсуждению, остальные тут же начали галдеть наперебой. По идее, люди в одной деревне не станут чернить своих, особенно перед чужаками. Однако в случае с Юй Шанчжи у жителей Баньпо было совсем иное отношение. Когда-то они признали его лишь потому, что его приютил лекарь Цинь, но потом, увидев, что он ни на что не годится, были только рады от него откреститься, лишь бы не портил добрую славу всей деревни.

Худая женщина с длинной шеей, повязавшая голову платком, подняла руку и показала направление:

— Вон там, это и есть прежний дом Цинь-ланчжуна. Ох, хороший он был человек! Не только лечил отлично, но и если у кого в доме уже дышать нечем от бедности, а денег на лекарство всё равно нет, он и не брал. Люди приносили ему зерно в уплату, он и то отмахивался. Как помер — все мужики нашей деревни пошли копать ему могилу и нести гроб. Как вспомню — до сих пор слёзы на глаза наворачиваются...

С этими словами она даже рукой утерла уголок глаза — видно было, что лекарь Цинь и впрямь пользовался большим уважением. Но вскоре разговор резко свернул, и все как один стали клеймить «мальчишку Юя».

Та самая старшая тётка, что первой заговорила, приподняла таз с бельём и с раздражением сказала:

— Этот Юй — дрянь, не человек, болото, в которое и колышек не вобьёшь! Цинь-ланчжун так надеялся его выучить, чтобы он продолжил его дело, ведь быть травником — ремесло надёжное, жизнью кормит. А он? Один срам. У Цинь-ланчжуна он прожил почти десять лет, а до сих пор простуду распознать не может. Был случай: Цинь-ланчжун ушёл на вызов, оставил дом под надзор, а в это время одна молодая невестка — только замуж вышла — пришла взять лекарства для свекрови. Увидела, мол, Юй-то с виду складный, лицо приятное, подумала, что толк в нём есть. И доверилась. А он лекарство не то дал — свекровь всю ночь не слазила с горшка, чуть на тот свет не отправилась. Только когда Цинь-ланчжун поздно ночью вернулся, всё понял — это мальчишка Юй напутал с травами!

Гер средних лет, что стоял рядом, поспешил вставить:

— Всё так! А ещё был раз — я сам слышал, как добродушный Цинь-ланчжун у себя в доме отчитывал этого мальчишку Юя. Говорил: «Ты учишь медицину столько лет, а как в темноте тычешь — ни травы не различаешь, ни точки не найдёшь! Как с таким подходом травником

быть, да ещё и за людей отвечать?! Это же прямо путь к грабежу да убийству!»

Вэнь Ецай стоял на месте и молча слушал. Чем больше он слышал, тем яснее понимал, что всё это подтверждает слова Юй Шанчжи. Ведь именно из-за того, что прежний Юй Шанчжи толком не знал своего ремесла, он ошибся с составом «лекарства мнимой смерти» и в итоге лишился жизни. А новый Юй Шанчжи — это уже «вселившаяся душа», получившая второй шанс в этом теле.

Он медленно выдохнул и ощутил, как внутри него начинает распутываться клубок сомнений. Будто из-под глухой каменной глыбы, что давила на грудь, наконец вырвался луч света. Вэнь Ецай подумал немного, а затем, продолжая наполовину прикидываться, наполовину выдумывать, произнёс:

— Вот ведь как... значит, этот ученик-то никуда не годился... Видно, мой родственник что-то напутал. Он говорил, будто тот парень лечил не хуже самого Цинь-ланчжуна, даже ещё лучше, мол, и с закрытыми глазами точку для иглы найдёт — ну, в общем, настоящие чудеса рассказывал.

Как только Вэнь Ецай договорил, несколько крестьян из деревни Баньпо тут же всполошились и в один голос начали ругать:

— Это ещё что за родственничек такой, что может городить такую чепуху? Да это же людям жизни стоит!

— Вот именно, ещё и говорит, что с закрытыми глазами может находить точки! Да он их и с открытыми-то не находил!

— К слову, как только старый лекарь Цинь умер, тот парнишка Юй сразу смылся из деревни, и больше его никто не видел. А кое-кто, между прочим, видел, как он из дома всякое добро выносил. Судя по твоим словам, небось теперь где-то промышляет мошенничеством, дурит людей...

Они наперебой принялись пересказывать и прочие «подвиги» прежнего Юй Шанчжи: крал деньги, чтобы ходить играть в кости на рынок; засыпал, пока готовил отвары, и взрывал печи; забывал под дождём сушившиеся травы — так и сгубил лекарства на несколько лян серебра...

Вэнь Ецай: ...

Он и представить себе не мог, что его прежний суженый оказался таким отпетым негодяем. Теперь, как ни крути, выходит, что это к лучшему — что нынешний Юй Шанчжи занял это тело.

И в этот миг эмоции, терзавшие его с самого вчерашнего дня, снова всколыхнулись в душе. Он

вдруг остро захотел как можно скорее увидеть Юй Шанчжи. Это желание вспыхнуло резко, как росток, прорвавший почву — малейшее промедление казалось невыносимым.

**

С самого утра он был в пути, а в деревне Баньпо задержался всего на четверть часа, и всё же Вэнь Ецай чувствовал, будто в нём ещё полно сил. Но как бы быстро он ни шёл, у ног всё равно есть предел. На полпути ему подвернулась повозка, направлявшаяся в сторону Лянси. Впервые в жизни он не поскупился на несколько медных монет и просто запрыгнул внутрь.

Промчавшись туда и обратно всего за одно утро, он успел вернуться в Лянси к полудню.

Вэнь Ецай завернул во внутренний дворик при лечебнице, сбавил шаг и бесшумно подошёл к двери комнаты, где находился Юй Шанчжи. Он прижался к дверному косяку и заглянул внутрь — как раз в тот момент, когда ученик лекаря заканчивал поить Юй Шанчжи отваром.

Вчера старая сваха ударила его тяжёлой и толстой веткой, но внешних повреждений почти не осталось. Серьёзнее всего был ушиб на затылке, где вздулась шишка, а под ней всё ещё не разошлась гематома.

Увидев, как Юй Шанчжи без сил облокотился на изголовье кровати и задумался, Вэнь Ецай почувствовал, как внутри всё сжалось: он колебался, не зная, с чего начать, когда войдёт.

А Юй Шанчжи, разумеется, ещё не заметил прихода Вэнь Ецая. Он как раз мучился мыслями о том, что старые раны ещё не залечились, а новые уже добавились — и очень хотел отбросить приличия и как следует «помянуть предков» прежнего владельца тела.

Но прежде чем он успел подобрать хоть какие-нибудь крепкие словечки, в комнате раздались шаги.

— А-Е? — окликнул он.

Он и не думал, что это может быть кто-то другой: доктор и ученик уже заходили, кроме Вэнь Ецая никто войти не мог.

— Это я.

После этих двух слов повисла короткая тишина. Когда голос вновь прозвучал, он был чуть хрипловат:

— Я наведалься в деревню Баньпо. Про того ученика старого лекаря Циня там все говорят, будто он бездарь, неблагодарный мерзавец. Рассказывают, что он однажды перепутал

лекарства и чуть не угробил человека. Говорят, он ещё давно пристрастился к азартным играм и даже крал деньги, чтобы ходить в город играть в кости. Старого лекаря он довёл чуть ли не до гроба. Про такого человека... Что уж говорить о каком-то «врачебном милосердии» — если он хоть кому-то жизнь не загубил, и за то спасибо.

Он сделал паузу, а потом продолжил:

— Я был с тобой рядом десять дней и знаю, кто ты такой. Ты лечил Санъя, спас Сяо Дие-гера и спас меня. Не то что таких умений — даже сердца такого у того Юя отродясь не было.

Дойдя до этого места, Вэнь Ецай уже почти не сомневался в ответе.

— Значит, ты и в самом деле не тот самый Юй Шанчжи, а лишь блуждающая душа из иного мира?

Этот вопрос застал Юй Шанчжи врасплох — он и сам толком не знал, как объяснить собственное существование.

— Пожалуй, между мной и здешним Юй Шанчжи есть какая-то связь, — тихо проговорил он. — Мы ведь и по имени, и по внешности как будто один человек. Возможно, это перерождение. А может, он и есть другой я, из другого мира?

Дальше, пожалуй, стоило бы заговорить о параллельных вселенных, но для Вэнь Ецай это было бы уже слишком. Хотя... для людей, живущих в древности, где ни материализм, ни атеизм не были в ходу, подобные странности, наоборот, могли быть даже проще для восприятия.

— Не думал, что истории из бродячих театров и сказания в подвалах окажутся правдой, — проворчал Вэнь Ецай, сам не веря, что говорит это всерьёз.

Он протянул руку, взял ладонь Юй Шанчжи и приложил к своей. Одна — белая, изящная, с длинными пальцами. Другая — пусть и не безобразная, но гораздо грубее.

— Хорошо хоть ты не просто добрый призрак, но ещё и красивый, — с усмешкой сказал Вэнь Ецай.

"Красивый призрак" в этот момент не мог не заподозрить, что у этого парня в голове снова начали вертеться всякие непотребные мысли. И, по правде сказать, Вэнь Ецай не дал ему в этом разочароваться.

Чья-то рука вдруг скользнула за ворот одежды, от чего Юй Шанчжи вздрогнул всем телом.

— А-А-Е?! — воскликнул он.

<http://bllate.org/book/13600/1205941>